

НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ ДОЗВОЛЕННЫХ И НЕДОЗВОЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ (юридический очерк)

Рассмотрение проблематики недействительности невозможно без уяснения того, что понимается в гражданском праве под терминами «юридические последствия», «юридические действия», «юридические поступки» – терминами, широко используемыми в юридической науке. Бесспорно, такое рассмотрение невыполнимо без обращения к основам теории юридических фактов и здесь нельзя не указать на нехватку современных монографических работ по данной тематике.

Исследование юридических фактов, проведенное О.А. Красавчиковым в 50-е гг. прошлого столетия, до сих пор остается основной цивилистической работой по этой теме. Ныне же в гражданском праве обозначенная проблематика комплексно не исследуется, обычно затрагивается лишь попутно, а в учебной литературе раздел, посвященный теории юридических фактов, часто отсутствует вовсе. Такое положение, безусловно, не может не удручать.

В свою очередь современные цивилисты нередко обращаются к теории юридических фактов в попытке подкрепить тот или иной вывод и, обнаруживая «белые пятна», пытаются втиснуть обновленные правовые категории в прокрустово ложе несколько устаревшей «волевой» классификации юридических фактов. Исходя из этого **основной задачей настоящей работы стала ревизия «волевой» классификации юридических фактов и одновременная оценка возможности признания недействительными различных видов юридических фактов.**

1. Рассмотрение юридических фактов (facta) следует начать с того, что Е.В. Васьковский понимал под ними обстоятельства, порождающие перемены в правах, которые могут быть произведены волею заинтересованных лиц (например, договор) или происходить неза-

висимо от воли (например, истечение срока)¹. То есть уже при определении юридических фактов он разграничивал их по признаку отношения к человеческой воле.

«Волевой» признак позволил создать главенствующую в отечественной теории юридических фактов классификацию²: признак *зависимости от наличия проявления воли в юридических фактах* был взят за основу деления юридических фактов на две большие группы — **юридические события** и **юридические действия**.

Предметом исследования настоящей работы, как это следует из самого ее названия, являются не события, а юридические действия. Но прежде чем переходить к их характеристике, представляется важным сделать ряд замечаний относительно разграничения юридических действий и действий фактических.

Отграничивая юридические действия от действий фактических, нельзя не подчеркнуть, что *на юридические и фактические разграничиваются не сами действия как таковые, — отличия между ними существуют только с точки зрения их значимости для права (только юридически)*³. То есть сами по себе юридические и фактические действия, являясь реальными действиями, не различаются, но юридическое действие отличается от обыкновенного фактического действия тем, что вызывает юридические последствия. Или, иначе говоря, *фактическое действие становится действием юридическим в том случае, если право связывает с ним наступление каких-либо юридических последствий*.

¹ См.: *Васьковский Е.В.* Учебник гражданского права М.: Статут, 2003. С. 138. (Классика российской цивилистики).

² О.А. Красавчиков считает, что основанная на «волевом» признаке классификация юридических фактов является главной классификацией, которая учитывает характерные черты и сущность классифицируемого предмета, призвана служить определяющей сущность и юридическую природу каждого отдельного юридического факта. При этом ученый допускает проведение классификации юридических фактов и по другим признакам: по юридическим последствиям, по форме их проявления (а для юридических действий и по форме их выражения), по завершенности тех или других явлений, составляющих существо того или другого факта (см.: *Красавчиков О.А.* Юридические факты в советском гражданском праве. М.: Госюриздат, 1958. С. 82, 87).

³ Подтверждение этому можно найти у В.И. Синайского: «Юридический факт есть понятие чисто юридическое. Само по себе никакое обстоятельство не может вызвать юридических последствий, если за таким обстоятельством п р а в о не признает свойства производить эти последствия» (*Синайский В.И.* Русское гражданское право. М.: Статут, 2002. С. 143 (Классика российской цивилистики)).

Действительно, проезд до земельного участка – есть фактическое действие владельца этого участка. Однако это фактическое действие сразу переходит в разряд юридических действий, если проезд осуществляется по территории чужого землевладения: его совершение требует установления сервитута (ст. 274 ГК РФ), в отсутствие которого проезд по территории чужого участка рассматривается как нарушение прав владельца.

Иной пример. Переговоры и переписка коммерсантов не обязательно заканчиваются заключением сделки, и в этом случае всякие действия сторон рассматриваются как фактические действия, которые не повлекли за собой юридических последствий. Если же сделка была сторонами заключена, то воля сторон, выраженная в ходе предшествующих переговоров (или переписки), приобретает статус юридического факта и влечет соответствующие юридические последствия (ст. 431 ГК РФ).

Вывод о том, что реальное (фактическое) действие приобретает характер юридического действия, если право устанавливает для него юридическое последствие, подразумевает наличие в действующем законодательстве нормы, которая связывает с совершением этого действия наступление конкретного правового результата («объективное право приурочивает каждое юридическое последствие к определенному, установленному им фактическому составу»¹). В частности, с внесением записи в Единый государственный реестр юридических лиц (совершением юридического действия) закон связывает прекращение существования юридического лица (п. 8 ст. 63 ГК РФ).

Во многих случаях в норме права прямо поименованы конкретные юридические действия, влекущие наступление тех или иных юридических последствий (при соответствующих условиях или обстоятельствах), но *иногда право лишь в общем виде предусматривает возможные юридические последствия совершения юридических действий, не конкретизируя их.*

Так, указание в ГК РФ на возможность предъявления контрагенту *требования* охватывает как предъявление искового требования, так и предъявление претензии. Претензия и исковое требование принципиально сходны в одном: и то, и другое представляют собой требование, направленное на понуждение предполагаемого наруши-

¹ Чиларж К.Ф. Учебник институций римского права. М., 1905. С. 41.

теля субъективных гражданских прав к определенному (должному) поведению¹.

Вместе с тем предъявление надлежащим лицом иска в установленном порядке прямо признается юридическим действием (в частности, ст. 203 ГК РФ связывает с предъявлением иска перерыв течения срока исковой давности), тогда как анализ отечественного гражданского законодательства не дает оснований для подобного утверждения в отношении претензии. Иными словами, можно говорить о том, что российское гражданское право прямо не называет юридических последствий предъявления претензии.

Результатом такого законодательного подхода явилось фактическое отрицание за претензией юридических последствий, что повлекло формирование в отечественном гражданском праве весьма негативного к ней отношения. Сегодня претензию, как правило, рассматривают лишь как обязательное в отдельных случаях условие обращения за судебной защитой, которое только «обременяет» лицо, права или законные интересы которого полагаются нарушенными. Эта позиция, несомненно, нуждается в изменении, поскольку предъявление претензии не только создает предпосылки для урегулирования коммерческого спора самими сторонами без обращения в суд (стороны могут заключить мировую сделку, удовлетворяющую их обеих и позволяющую сохранить их деловые отношения), не только дисциплинирует нарушителя (угроза одностороннего отказа от исполнения договора может подвигнуть нарушителя к надлежащему исполнению обязательства), но и позволяет субъекту защиты наиболее эффективным образом защищать субъективные права (он вправе отказаться от исполнения договора в одностороннем порядке², если в дополнительный срок, установленный в претензии, нарушитель не устранил соответствующих недостатков).

¹ Основное отличие претензии от искового требования проявляется в том, что первое есть средство правовой защиты, которое используется субъектом защиты для непосредственной защиты своих прав, тогда как второе – средство правовой защиты, представляющее собой обращение «за помощью» к суду, который обладает правом вынесения обязательного для сторон решения.

² Односторонний отказ от исполнения обязательства и одностороннее изменение его условий допускаются в случаях, установленных законом, а если это обязательство связано с осуществлением его сторонами предпринимательской деятельности, то и в

В целом все вышеизложенное свидетельствует о том, что юридические последствия в праве определяются различно: в одних случаях прямо предусматривается конкретный правовой результат действия и его совершение признается юридическим действием; в других случаях право лишь допускает наступление юридических последствий для тех или иных действий, не конкретизируя эти последствия.

С учетом сказанного и исходя из определения юридического действия как действия, с которым право связывает возникновение юридических последствий, можно говорить о том, что *наступившее в реальной жизни обстоятельство при отсутствии в норме права указаний на такое обстоятельство, безусловно, является «безразличным» праву и есть не что иное, как действие фактическое*. И здесь встает вопрос о том, что следует включать в понятие «**юридические последствия**».

2. Исследуя понятие и виды юридических последствий, О.А. Красавчиков пишет, что под ними обычно понимают две категории явлений, связанных между собой. К первой категории юридических последствий он относит *движение гражданского правоотношения вне связи с его осуществлением* (возникновение, изменение или прекращение правоотношения). Вторая категория юридических последствий, с его точки зрения, всецело предопределена первой и объединяет *последствия, наступающие в связи с осуществлением определенного правоотношения* (к этой категории, по мнению ученого, относятся истребование вещи по виндикационному иску, взыскание пеней и неустойки и т.д.). В рамках теории юридических фактов О.А. Красавчиков полагает необходимым рассматривать лишь первую из указанных категорий юридических последствий — *движение гражданского правоотношения*¹.

Эта позиция нашла серьезную поддержку в научной литературе. Более того, практически аксиомой стало определение юридического факта как конкретных жизненных обстоятельств, с которыми закон связывает возникновение, изменение и прекращение прав и обязанностей². Такой подход воспринят и гражданским законодательством

случаях, предусмотренных договором, если иное не вытекает из закона или существа обязательства (ст. 310 ГК РФ).

¹ Красавчиков О.А. Указ. соч. С. 75–76.

² В учебнике гражданского права юридические факты определяются как факты реальной действительности, с которыми действующие законы и иные правовые акты связывают возникновение, изменение или прекращение гражданских прав и обязан-

вом: в частности, сделка определяется как действие, которое направлено на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей (ст. 153 ГК РФ).

В то же время иным разновидностям юридических последствий и, в частности, упоминаемым О.А. Красавчиковым последствиям, наступающим в связи с осуществлением определенного правоотношения, доктриной внимания вовсе не уделяется. Эта позиция игнорирования всех иных, кроме движения правоотношения, юридических последствий не может не вызывать возражений, поскольку при таком подходе многие из юридических фактов, строго говоря, вовсе не могут рассматриваться в качестве таковых.

Например, упомянутое выше предъявление иска или признание долга, не влекущие движения гражданского правоотношения, при таком подходе не могут признаваться юридическими фактами. Вместе с тем они, бесспорно, не индифферентны праву: с предъявлением иска в установленном порядке и с признанием долга закон связывает перерыв срока исковой давности (ст. 203 ГК РФ).

Но и в тех случаях, когда за определенными фактами доктриной признается значение юридических фактов, далеко не все из них «втискиваются в рамки» существующих классификаций юридических фактов. Наиболее показательным в этом смысле является арбитражное соглашение, в отношении правовой природы которого длительное время ведутся споры¹ и которое, являясь по сути граж-

ностей, т.е. правоотношений (см.: Гражданское право: Учебник: В 2 т. Т. 1 / Отв. ред. Е.А. Суханов. М.: БЕК, 1998. С. 324).

¹ Высказываемые в отношении природы названных арбитражных соглашений мнения специалистов условно можно разделить на четыре основные группы, среди которых принято выделять теории о договорной, процессуальной, смешанной и автономной природе арбитражных соглашений. Так, сторонники понимания арбитражного соглашения как обычного гражданско-правового договора признают, что оно порождает для сторон гражданско-правовые обязанности, в том числе обязанность подчиниться решению, вынесенному арбитражем. Приверженцы процессуальной теории рассматривают арбитражное соглашение в качестве соглашения процессуального характера, направленного на исключение юрисдикции государственного суда. Согласно концепции смешанной природы арбитражное соглашение есть гражданско-правовой договор, порождающий в том числе процессуальные последствия. Сторонники автономной теории, напротив, не признают арбитражное соглашение гражданско-правовым договором, указывая, что ни один гражданско-правовой договор сам по себе не может порождать процессуальных последствий, но и не рассматри-

данско-правовой сделкой, к таковым по смыслу нормы ст. 153 ГК РФ относиться не может.

Вследствие сказанного, безусловно, чрезвычайно узко определять юридические действия только как действия, с которыми норма права связывает возникновение, изменение или прекращение гражданского правоотношения: за рамками такого определения остаются те юридические действия, которые не влекут движение правоотношения, но закон связывает с ними наступление иных юридических последствий. Это умозаключение опирается в том числе и на определение юридического действия, данное Е.В. Васьковским, который понимал под ним обстоятельство, влекущее не только движение правоотношения, но и «охранение права»¹.

С учетом изложенного представляется очевидным, что *к категории юридических действий относятся различного рода действия, в том числе и не воздействующие непосредственно на движение гражданского правоотношения, если нормы права связывают с их совершением наступление юридических последствий*. Этот вывод находит поддержку в учебнике институций римского права, в котором к юридическим фактам отнесены «в с е факты, будь то действия или просто события, с которыми объективное право связывает какое-либо юридическое последствие»².

Тезис о том, что всякое субъективное право не только возникает, изменяется или прекращается, но и осуществляется, нарушается и защищается³, также подтверждает вывод о необходимости отнесения к юридическим фактам **всех** фактов, с которыми объективное право связывает юридические последствия. Ведь в праве под юридическими последствиями подразумевается не только движение гражданских правоотношений, но и иные правовые результаты.

вают арбитражное соглашение как соглашение в области процесса, поскольку арбитраж выходит за рамки государственной юрисдикции.

¹ *Васьковский Е.В.* Указ. соч. С. 139.

² *Чиларж К.Ф.* Указ. соч. С. 41.

³ «Право может быть рассматриваемо с двух сторон: внешней и внутренней, — писал Е.В. Васьковский. — С внешней оно представляет собой известное явление, которое возникает, изменяется и прекращается; с внутренней — оно не что иное, как предоставленная законом частному лицу власть, подлежащая осуществлению, нарушению и защите» (*Васьковский Е.В.* Учебник гражданского права. Вып. 1. Введение и общая часть. СПб., 1896).

Исходя из того, что под **юридическими последствиями** следует понимать **всякий упомянутый законом правовой результат совершения действия или наступления события**, к юридическим последствиям по крайней мере должны быть отнесены:

1) движение гражданского правоотношения, т.е. возникновение, изменение или прекращение правоотношения. Так, деликтное обязательство возникает из причинения вреда; договорное обязательство может быть изменено соглашением его сторон; право собственности прекращается уничтожением объекта;

2) последствия проявления гражданской правосубъектности (в том числе осуществления субъективных гражданских прав и обязанностей). Например, надлежаще произведенное исполнение обязательства обуславливает обязанность произведения встречного исполнения другой стороной обязательства; несвоевременное исполнение договорной обязанности позволяет требовать от нарушителя-должника уплаты неустойки; бесхозяйственное содержание культурных ценностей, отнесенных в соответствии с законом к особо ценным и охраняемым государством, допускает изъятие этих ценностей путем выкупа государством или продажи с публичных торгов;

3) последствия, наступающие в связи с защитой нарушенных субъективных гражданских прав. В частности, предъявление претензии представляет собой требование к нарушителю об определенном (должном) поведении и требует соответствующей реакции на нее со стороны нарушителя; удовлетворение требований кредитора, удерживающего вещь неисправного должника, из стоимости этой вещи; заключение сторонами мировой сделки ликвидирует спор о праве (или иную правовую неопределенность), устраняя тем самым необходимость в защите прав.

С учетом сказанного в дальнейшем *под юридическим последствием будет пониматься не только движение гражданского правоотношения (его возникновение, изменение и прекращение), но и последствия проявления гражданской правосубъектности, в том числе осуществления гражданских прав и обязанностей, а также последствия, наступающие вследствие совершения действий по защите нарушенных или оспоренных субъективных гражданских прав.*

3. Классификация, основанная на «волевом» признаке, как указывалось в начале работы, разграничивает все юридические факты

на **юридические действия** и **юридические события** (в зависимости от наличия проявления воли в юридических фактах).

Понятие «недействительность» используется обычно применительно к гражданско-правовым сделкам. Вполне свободно оно также употребляется в отношении актов государственных органов, публичных торгов, решений органов юридических лиц и т.д. То есть рассуждения о недействительности обычно касаются **юридических действий** — юридических фактов, в которых проявляется воля субъектов («действием называется проявление воли»¹). И вряд ли серьезно можно обсуждать проблемы недействительности применительно к **юридическим событиям**, происходящим вне зависимости от воли человека. Исходя из этого предметом настоящей работы являются юридические действия, тогда как события вовсе не будут в ней рассматриваться.

Упомянутая «волевая» классификация предусматривает дальнейшее (более дробное) разграничение юридических фактов по тому же (волевому) признаку.

Разделив юридические факты в зависимости от наличия воли и исходя из того, что юридическое действие представляет собой единство воли и волеизъявления, можно говорить о том, что для всякого юридического действия недостаточно только наличия воли — воля должна себя реально проявлять. Вследствие сказанного дальнейшая классификация производится в зависимости от особенностей внешнего проявления воли или, как принято говорить, *изъявления воли*.

Сегодня вторым уровнем разграничения признается деление **юридических действий** в зависимости от соответствия изъявлений воли нормам права на **правомерные действия** и **неправомерные действия** — правонарушения.

Подразделение юридических действий на правомерные и неправомерные (в зависимости от соответствия изъявлений воли нормам права) не может не вызывать возражений, поскольку эта классификация не является совершенной и в некоторых случаях не позволяет дать характеристику тех или иных юридических действий.

Так, в литературе длительное время ведется дискуссия о том, можно ли рассматривать недействительную сделку в качестве пра-

¹ *Мейер Д.И.* Русское гражданское право: В 2 ч. (по испр. и доп. 8-му изд. М.: Статут, 2003. С. 175. (Классика российской цивилистики).

вомерного действия (сделки). Анализируя правовую природу недействительных сделок, одни ученые признают ее одной из разновидностей сделки, относя недействительность больше к последствиям сделки, нежели к самой сделке. Другие исходят из того, что поскольку сделка недействительна и поэтому неправомерна, она не может быть отнесена к числу правомерных действий и, следовательно, не является сделкой. Иные идут дальше и прямо причисляют недействительную сделку к правонарушению. Длительность и ожесточенность этой дискуссии объясняются отчасти несовпадением в определении понятия «сделка», отчасти — иными причинами¹.

Для целей настоящей работы нет нужды в подробном изложении и анализе противоположных позиций участников указанной дискуссии, которой и без того уделяется значительное внимание в литературе. Но попутно нельзя не заметить, что предлагаемая авторская классификация будет способствовать «снятию напряжения» в том числе и в упомянутом вопросе.

Итак, по всей вероятности, **следует классифицировать юридические действия на дозволенные и недозволенные**, отказавшись от классификации юридических действий на правомерные и неправомерные.

Использование предлагаемой классификации в современных условиях² подразумевает разделение **юридических действий** в зависимости от соответствия изъявления воли общим дозволениям права на **недозволенные действия** (действия, в отношении которых имеется прямой запрет закона) и **дозволенные действия** (действия, относительно

¹ О дискуссии по данному вопросу см. подробнее: *Матвеев И.В.* Правовая природа недействительных сделок. М.: Юрлитинформ, 2002. С. 12–19; *Гутников О.В.* Недействительные сделки в гражданском праве. Теория и практика оспаривания. М.: Книжный мир, 2005. С. 20–30.

² Подразделение юридических действий на дозволенные и недозволенные не является новым — эта классификация использовалась раньше. Разграничивая юридические действия на дозволенные и недозволенные, правоведы исходили по сути из признака направленности воли действующего лица на создание юридических последствий (эта классификация используется и сегодня для разграничения правомерных действий на юридические акты и юридические поступки; она будет рассмотрена далее). Иными словами, под дозволенным действием понималось действие, умышленно направленное на установление, изменение или прекращение правоотношений; недозволенные действия рассматривались как действия, происходящие помимо воли действующего лица, но влекущие при этом юридические последствия (см. об этом, например: *Дормидонтов Г.Ф.* Система римского права. Общая часть. Казань, 1910).

которых существует общее дозволение закона). При кажущейся схожести с разделением юридических действий на правомерные и неправоммерные предложенная классификация выгодно отличается: она не только исключает выход за рамки двучленного деления юридических действий, но и позволяет дать им более четкую характеристику.

Разграничение юридических действий на дозволенные и недозволенные охватывает всю сферу правовой действительности, которая характеризуется наличием двух противоположностей. С одной стороны, это **дозволенные действия** — *действия, которые призваны порождать нормальные для гражданского оборота юридические последствия и требующие применения регулятивных норм*, с другой стороны, **недозволенные действия** — *проступки и правонарушения, которые нарушают гражданский оборот, вызывают потребность его восстановления и как следствие требуют применения охранительных норм права*.

Под **дозволенными действиями** следует понимать действия, относительно которых существует общее дозволение закона, т.е. в действующем законодательстве отсутствует прямой запрет на их совершение. К числу дозволенных действий можно отнести:

- совершение сделки;
- издание акта государственным органом или органом местного самоуправления;
- проведение публичных торгов;
- государственную регистрацию юридических лиц;
- вынесение решения органом юридического лица;
- выпуск ценных бумаг и т.д.

Впрочем, **наличие общего дозволения закона не препятствует признанию судом упомянутых действий недействительными в том случае, если при их совершении были нарушены конкретные правовые предписания**. А для признания недействительными этих действий по общему правилу требуется предъявление специального иска¹.

Наглядно проиллюстрировать вышесказанное можно на примере совершения оспоримой сделки.

¹ Статья 12 ГК РФ предусматривает исключение из этого правила, допуская такой способ защиты гражданских прав, как неприменение судом акта государственного органа или органа местного самоуправления, противоречащего закону. То есть в отсутствие специально предъявленного иска суд вправе сделать вывод о несоответствии закону конкретного административного акта.

Как известно, в ст. 166 ГК РФ закреплено давно существующее в теории деление недействительных сделок на *недействительные в силу признания их таковыми судом* (оспоримые сделки) и *недействительные независимо от такого признания* (ничтожные сделки). Несовершенная формулировка текста упомянутой статьи позволила отдельным авторам сделать ошибочный вывод о том, что все оспоримые сделки относятся к недействительным.

Между тем п. 1 ст. 166 ГК РФ разрешает относить к недействительным сделкам только те из оспоримых сделок, которые *признаны судом недействительными по специально предъявленному иску*. До вынесения судебного решения по такому иску оспоримая сделка является обычной (действительной) сделкой и влечет соответствующие ее природе юридические последствия, а при отсутствии упомянутого иска (и, следовательно, судебного решения) так и продолжит свое дальнейшее существование. Следовательно, *закон допускает существование сделок с некоторыми «погрешностями», предусматривая их ликвидацию со всеми имевшими место юридическими последствиями только посредством признания судом (по специальному иску) их недействительности и применения последствий недействительности*. Именно судебное решение как результат правоприменительной деятельности аннулирует оспоримую сделку с обратной силой: все имевшие место с момента ее совершения юридические последствия «разворачиваются»¹ (ст. 167, 168 ГК РФ). *До момента признания судом недействительной любая оспоримая сделка является действительной сделкой*² и, *бесспорно, относится к категории дозволенных действий*.

Аналогичные выводы можно сделать, анализируя такое юридическое действие, как издание акта государственным органом или органом местного самоуправления.

¹ ГК РФ допускает отступление от этого правила, предусмотрев, что в случае, когда из содержания оспоримой сделки вытекает, что она может быть лишь прекращена на будущее время, суд, признавая ее недействительной, прекращает ее действие на будущее время (п. 3 ст. 167).

² В этой связи нельзя не согласиться с мнением о том, что действительные сделки следует делить на (1) безусловно действительные и (2) условно действительные (или оспоримые). Такую точку зрения высказывает, в частности, М.М. Агарков (см.: *Агарков М.М. Избранные труды по гражданскому праву: В 2 т. Т. 2. М.: Центр ЮрИнфоР, 2002. С. 347*).

Издание любого акта государственным органом или органом местного самоуправления есть дозволенное действие, однако ГК РФ прямо предусматривает возможность признания судом таких актов недействительными по мотиву несоответствия закону или иным правовым актам при нарушении гражданских прав и охраняемых законом интересов гражданина или юридического лица (ст. 13 ГК РФ). Эта же статья предусматривает и применение последствий признания недействительными этих актов: в этом случае нарушенное право подлежит восстановлению либо защите способами, предусмотренными ст. 12 ГК РФ. Таким образом, можно говорить о том, что по общему правилу *акт государственного органа или органа местного самоуправления до момента признания его недействительным судом относится к категории дозволенных действий.*

Вышеизложенное, впрочем, не дает повода говорить о том, что признание судом сделки, акта государственного органа или иного дозволенного действия недействительным переводит это действие в группу недозволенных действий. Вовсе нет. *Признавая дозволенное действие недействительным, суд тем самым признает, что это действие не обладает качествами юридического факта — качествами, необходимыми для возникновения юридических последствий.* Иными словами, **признание судебным решением недействительности действия уничтожает его (несомненно, только юридически) и в этом случае все имевшие место последствия такого действия «лишаются» правового основания.** Именно уничтожение юридического действия путем признания его судом недействительным и является причиной применения последствий его недействительности.

Следовательно, можно говорить о том, что на момент подачи искового требования о признании недействительным дозволенного юридического действия (сделки, акта государственного органа, публичных торгов, решения органа юридического лица и т.д.) за этим юридическим действием признается качество юридического факта. В процессе рассмотрения иска суд анализирует совершенное юридическое действие на предмет его соответствия предъявляемым требованиям действительности. Например, если подан иск о признании недействительной сделки, совершенной под влиянием заблуждения (ст. 178 ГК РФ), суду надлежит исследовать, является ли заблуждение существенным (т.е. касается ли оно главных элементов

сделки: характера возникающих прав и обязанностей, количества и качества предмета сделки, вида и способа оказания услуг и т.д.).

И если суд придет к выводу о том, что совершенное действие не обладает всеми необходимыми качествами для того, чтобы рассматриваться как юридический факт, он признает это действие недействительным (не имеющим необходимых качеств юридического факта), что по сути уничтожит совершившийся юридический факт. В этом случае **суд должен в обязательном порядке применить юридические последствия уничтожения совершенного действия (последствия недействительности совершенного действия), поскольку все наступившие юридические последствия лишаются правового (законного) основания.**

Таким образом, упречные дозволенные действия – все те же дозволенные действия, которые могут стать и нередко становятся предметом рассмотрения суда по иску о признании их недействительными. И только положительное решение суда о признании недействительным дозволенного действия (сделки, акта государственного органа, публичных торгов и т.д.) позволяет относиться к такому действию как к несовершенному. Исходя из того, что не все дозволенные действия предусматривают признание их недействительными, более подробно вопросы недействительности дозволенных действий будут рассмотрены применительно к каждой из их разновидностей (см. далее).

Под **недозволенным действием** в рамках настоящей работы понимается действие, которое прямо запрещено законом, или, напротив, уклонение от совершения действия в тех случаях, когда закон прямо возлагает на субъекта обязанность совершения такого действия. К числу недозволенных действий можно отнести:

- злоупотребление правом;
- причинение вреда;
- неосновательное обогащение;
- совершение ничтожной сделки;
- односторонний отказ от исполнения договора;
- создание препятствий в осуществлении права собственности и т.д.

Совершение любого из недозволенных действий (в том числе противоправное уклонение от совершения обязательного действия) подразумевает «покушение» на гражданский оборот. И задача нормы права, запрещающей совершение подобных действий, со-

стоит в предупреждении (воспрепятствовании) нарушения гражданского оборота.

В том случае, если предупредительная функция нормы права оказалась недостаточной и лицо (лица) виновно нарушило правовой запрет, что повлекло за собой конкретные негативные юридические последствия (так называемые вредоносные последствия) для другого лица, — налицо факт совершившегося правонарушения. В этом случае в обязательном порядке подлежат применению охранительные нормы права, нацеленные на восстановление гражданского оборота и защиту прав пострадавшего лица, а в некоторых случаях — на применение к нарушителю соответствующих мер наказания.

Исходя из прямого запрета закона на совершение недозволенных действий, оспаривать их совершение, т.е. требовать признания этих действий недействительными (как это имеет место в отношении дозволенных действий), безусловно, не требуется. Наоборот, **именно совершение нарушителем (нарушителями) недозволенного действия, повлекшего вредоносные последствия для пострадавшего лица, позволяет последнему предъявлять нарушителю (нарушителям) соответствующие требования об устранении последствий этого правонарушения.** В таких условиях задачей пострадавшего (иного заинтересованного) лица является подтверждение надлежащими доказательствами не только самого факта совершения нарушителем недозволенного действия, но и возникших вредоносных последствий (а также причинной связи между этим действием и наступившими последствиями).

Так, причинение вреда дает основание потерпевшему предъявлять причинителю вреда требование о возмещении причиненного вреда. В любом случае требование потерпевшего должно иметь надлежащее подтверждение не только факта совершения причинителем вреда упомянутого недозволенного действия, но и наличия иных условий возникновения внедоговорного обязательства¹. Эти умозаключения актуальны как для предъявления требования в форме претензии, так и для предъявления искового требования в судебном порядке.

¹ К ним принято относить: 1) противоправность поведения лица, которое полагается причинителем вреда; 2) наличие вреда; 3) причинную связь между противоправным поведением причинителя и наступившими вредоносными последствиями; 4) вину причинителя вреда.

Но особого внимания в рамках настоящей работы заслуживает, бесспорно, ничтожная сделка.

В отличие от всякой оспоримой сделки, имеющей такое несоответствие нормам права, которое, по определению О.С. Иоффе, трудно распознаваемо и не может быть выявлено без представления и оценки необходимых доказательств¹ (что и обуславливает необходимость судебного разбирательства по специальному иску о признании ее недействительной), **ничтожная сделка не требует признания ее недействительности**. Это положение прямо закреплено в п. 1 ст. 166 ГК РФ и свидетельствует в поддержку того, что ничтожная сделка должна рассматриваться в качестве недозволенного действия.

Совершение ничтожной сделки признается нормой права нарушением правового запрета, что в любом случае и вне зависимости от реальной цели участников влечет ее недействительность. В этой связи можно согласиться с позицией тех авторов, которые отрицали за ничтожной сделкой значение сделки², а с другой стороны – поддержать мнение о том, что ничтожная сделка является все же юридическим действием и неверно вообще не видеть за ней значение юридического факта³. Строго говоря, **ничтожная сделка** вовсе не должна рассматриваться как сделка – **это сделкоподобное действие, совершаемое вопреки существующему правовому запрету** (недозволенное действие).

Главенствующим является мнение о чрезмерном разнообразии ничтожных сделок, однако их разновидностей не так много. Среди, например, коммерческих сделок (под которыми здесь понимаются сделки, заключенные между коммерческими организациями и/или гражданами-предпринимателями) ничтожными будут сделки, совершенные:

¹ См.: *Иоффе О.С.* Советское гражданское право: Курс лекций. С. 230.

² Например, И.С. Перетерский подчеркивал, что в том случае, если «действие имеет вид сделки, но направлено против закона или в обход закона (т.е. является ничтожной сделкой. – М.Р.), то оно не является сделкой» (*Перетерский И.С.* Гражданский кодекс РСФСР: Научный комментарий. Вып. 5. Сделки. Договоры. М., 1929. С. 6).

³ В частности, Д.И. Мейер отмечал, что факт совершения ничтожной сделки «все-таки существует и может повлечь за собой другие юридические последствия, например последствия нарушения права, если сделка составляет таковое юридическое действие. Положим, совершена купля-продажа чужого имущества: купля-продажа недействительна как сделка, юридически ничтожная; но факт совершения продажи чужого имущества тем не менее существует как нарушение права и влечет за собой известные юридические последствия» (*Мейер Д.И.* Указ. соч. С. 233).

– с пороками содержания, т.е. сделки с целью, противной основам правопорядка и нравственности, мнимые, притворные и др. (ст. 169, 170 ГК РФ);

– с нарушением требования о нотариальном удостоверении или о регистрации сделки (п. 1 ст. 165 ГК РФ);

– с нарушением требований закона (иного правового акта), специально предусмотренных для конкретной категории сделки или вида договора, а также в отношении объекта сделки, когда по смыслу этого закона последствием несоблюдения предусмотренного в нем требования является ничтожность сделки¹.

Во всех остальных случаях речь может идти только об условно действительной (оспоримой) коммерческой сделке, недействительность которой может быть установлена судом на основании заявленного заинтересованным лицом специального иска (о чем см. выше).

В отличие от оспоримой сделки, равно как и от акта государственного органа или органа местного самоуправления (ст. 13 ГК РФ), недействительность которой требует судебного установления по специальному иску заинтересованного лица, ничтожная сделка, как было сказано ранее, не требует самостоятельного судебного решения о признании ее недействительной. Напротив, суд при исследо-

¹ Для отнесения сделки к числу оспоримых необходимо специальное указание на это конкретного закона (иного правового акта); отсутствие такого указания позволяет рассматривать сделку как ничтожную. Однако во многих статьях гражданского законодательства РФ употребляется родовая термин – «недействительность договора», что создает известные трудности на практике. Как указывает М.И. Брагинский, в тех случаях, когда редакция нормы статьи предусматривает, что сторона в соответствующем случае может **требовать признания** договора недействительным, речь идет об оспоримости данной сделки; если употребляется термин «недействительность», но не говорится о признании сделки недействительной по требованию стороны (даже и в отсутствие прямого указания на ничтожность сделки), это означает, что соответствующая сделка ничтожна (см.: *Брагинский М.И., Витрянский В.В.* Договорное право: Общие положения. М.: Статут, 1998. С. 154). Используемый в ст. 168 ГК РФ термин «закон или иные правовые акты», по мнению О.Н. Садикова, должен трактоваться расширительно и охватывать все надлежаше установленные нормы гражданского законодательства РФ, в том числе нормы международного права, которые являются составной частью правовой системы РФ (Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой / Отв. ред. О.Н. Садиков. М.: Контракт, Инфра-М, 1997. С. 359). С учетом этого при анализе сделки на предмет соответствия требованиям закона или иных правовых актов необходимо исходить из императивно установленных правил гражданского законодательства, предусмотренных специально для этой категории сделок (данного вида договоров) и действующих на момент ее заключения.

вании значимых для дела обстоятельств вправе констатировать факт совершения ничтожной сделки и далее относиться к ней как к недействительной. И в этой связи возникает необходимость в прояснении вопроса, что следует понимать под недействительностью ничтожной сделки, значительно отличающейся от недействительности сделки оспоримой.

Недействительность оспоримой сделки, как было сказано выше, подразумевает судебное признание того, что совершенная сделка не обладает качествами юридического факта, что по сути уничтожает совершенную сделку (аннулирует как юридический факт). Иные свойства обнаруживает недействительность ничтожной сделки: *признанием недействительности ничтожной сделки это сделкоподобное действие не уничтожается, а, напротив, подтверждается, что и дает основание для заинтересованных сторон требовать применения последствий недействительности ничтожной сделки, т.е. требовать устранения юридических последствий совершения недозволенного действия.*

Далее надо отметить, что **юридические последствия ничтожной сделки обнаруживаются только тогда, когда имело место ее исполнение стороной (сторонами)**. То есть предоставления, совершенные на основании ничтожной сделки, собственно, и влекут такой правовой результат, как вредоносные последствия (по отношению к стороне этой сделки или иному пострадавшему лицу). И состав правонарушения в этом случае выглядит следующим образом: первым условием является совокупность фактов совершения ничтожной сделки и предоставления по ней¹; вторым — умаление у потерпевшего имущественного блага; третьим — причинная связь между первым и вторым.

Если стороны заключили ничтожную сделку, но к ее исполнению не приступала ни одна из них, говорить о правонарушении нет причин, поскольку состав правонарушения не образуется из-за отсутствия необходимых условий. А в их отсутствие требовать признания недействительной ничтожной сделки по сути равнозначно, например, требованию о признании причинения вреда в отсутствие причинен-

¹ Близок к этому умозаключению Д.О. Тузов, утверждающий, что саму недействительную сделку нельзя считать правонарушением. Однако нельзя согласиться с его выводом о том, что правонарушением следует признавать лишь представление по этой сделке (см.: *Тузов Д.О.* Реституция в гражданском праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1999. С. 44).

ного вреда либо требованию о признании неосновательного обогащения в отсутствие приобретения или сбережения имущества приобретателем за счет потерпевшего и т.д.

Вышесказанное не позволяет согласиться с утверждением о допустимости рассмотрения в суде дел о признании недействительной ничтожной сделки — утверждением, базирующемся на том, что ГК РФ не исключает возможность предъявления такого рода исков¹. В опровержение этой позиции можно указать следующее.

Недействительность ничтожных сделок установлена законом *методом нормативного императива*, тогда как объявление оспоримых сделок недействительными производится *методом оспаривания их действительности*². «Официальное» допущение предъявления иска о признании недействительности ничтожной сделки, как обоснованно отмечает И.В. Матвеев, фактически размывает грань между ничтожными и оспоримыми сделками³.

Кроме того, из смысла ст. 12 ГК РФ, перечисляющей наиболее часто встречающиеся на практике способы защиты гражданских прав, следует, что допустимость тех или иных способов защиты прямо вытекает из закона. Перечень этих способов, содержащийся в упомянутой статье ГК РФ, не является исчерпывающим: иные способы защиты устанавливаются в нормах, относящихся к институтам сделок, права собственности, обязательственного права, исключительных прав и т.д. Однако **использование иных способов защиты гражданских прав допускается только при наличии прямого указания на то закона — это специально закреплено в ст. 12 ГК РФ**. Другими словами, лицо, субъективные гражданские права которого нарушены или оспариваются, вправе устранять последствия нарушения его прав только тем способом, который указан в законе. Если законом не предусмотрено использование способа защиты права, которым желает воспользоваться это лицо, такой способ защиты не может быть им применен. С учетом сказанного отсутствие указания в гра-

¹ См. п. 32 постановления Пленума ВС РФ и Пленума ВАС РФ от 1 июля 1996 г. № 6/8 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 1996. № 9).

² См.: *Шахматов В.П.* Виды несоответствия сделок требованиям норм права // Антология уральской цивилистики. 1925–1989: Сб. ст. М.: Статут, 2001. С. 344.

³ См.: *Матвеев И.В.* Указ. соч. С. 63–64.

жданском законодательстве на допустимость использования такого способа, как признание недействительной ничтожной сделки, исключает возможность его использования.

Исходя из того, что ничтожная сделка является недозволенным действием, предоставления, которые по ней производились, лишены правового основания. Таким образом, защищая свой законный интерес, *пострадавшее (иное заинтересованное¹) лицо вправе требовать только применения последствий недействительности этой сделки, т.е. требовать только возврата произведенного исполнения по такой сделке.* Допускаемые на практике иски о признании недействительной ничтожной сделки, предъявляемые в отсутствие требования о применении последствий ее недействительности, используются обычно в качестве своеобразного рычага давления на участников такой сделки, но иных целей не преследуют.

Вместе с тем в литературе нередко можно встретить суждения в поддержку указанной позиции о допустимости предъявления самостоятельного требования о признании недействительной ничтожной сделки. Достаточно широкое распространение получила точка зрения, согласно которой возможность обращения в суд с указанным иском должна быть непременно предоставлена участникам гражданского оборота, в том числе и в случае, когда исполнение по ничтожной сделке вовсе не было произведено. В качестве обоснования такого искового требования называются, в частности, неочевидность ничтожности сделки для участников сделки и иных лиц, зависимость мотивации сторон сделки от судебного решения, предотвращение исполнения ничтожной сделки, неопределенность состояния участников сделки².

¹ Заинтересованными лицами в этом случае могут являться и лица, имеющие публичный интерес, например антимонопольные органы.

² Такую позицию обосновывает, в частности, Д.О. Тузов. Он утверждает, что интерес в признании недействительной ничтожной сделки может возникнуть и при отсутствии ее исполнения, вследствие чего ратует за самостоятельность требования о признании недействительной ничтожной сделки (см.: *Тузов Д.О.* Ничтожность и оспоримость сделок: классическая доктрина и проблемы российской цивилистики // *Цивилистические записки: Межвузовский сборник научных трудов.* Вып. 2. М.: Статут; Екатеринбург: Институт частного права, 2002. С. 155; *Он же.* Иски, связанные с недействительностью сделок. Теоретический очерк / Под ред. Б.Л. Хаскельберга и В.М. Чернова. Томск: Пеленг, 1998).

Определенность отношений участников всякой сделки может быть достигнута путем точного следования нормативным предписаниям: гражданское законодательство достаточно четко формулирует правовые запреты, нарушение которых позволяет говорить о совершении ничтожной сделки. Тяга же сторон на всякий случай подкрепить судебным решением недействительность или, напротив, действительность совершенной ими сделки является, вероятно, атавизмом командно-административной системы, когда договоры в большинстве своем «сопровождались» плановыми административными актами. Но такое стремление участников сделки опереться на судебное решение для обоснования отказа в исполнении ничтожной сделки или, напротив, для подтверждения действительности заключенной сделки нельзя поддержать по причине отсутствия у суда консультативных и удостоверяющих функций в отношении обычных гражданско-правовых договоров. В ситуации, когда сделка не исполнялась сторонами и нарушения (оспаривания) прав не произошло, обращаться в суд за защитой явно преждевременно. По этому поводу еще в конце XIX в. Е.В. Васьковский писал, что «для предъявления иска суду необходимо, чтобы право действительно нуждалось в защите. Пока его никто не оспаривает, не мешает осуществлять, пока нет основания опасаться будущего его нарушения, до тех пор иск будет преждевременным, а потому бесцельным и безуспешным... Только в тот момент, когда возникает какой-либо повод к защите права, иск становится из возможного действительным, приобретает способность обнаруживать свою силу, словом, как говорили римляне, рождается (action nata est)»¹.

С учетом сказанного и исходя из задачи суда, состоящей в разрешении споров о праве, нельзя поддержать позицию, обосновывающую возможность обращения с самостоятельным иском требованием о признании недействительной ничтожной сделки, поскольку, во-первых, *здесь нет спора о праве*; во-вторых, *отсутствует норма права, допускающая такой способ защиты гражданских прав*.

Резюмируя вышеизложенное, можно говорить о наличии существенных отличий недействительности дозволенных действий от недействительности действий дозволенных. Эти отличия состоят в том, что:

¹ *Васьковский Е.В.* Учебник гражданского права. М.: Статут, 2003. С. 194 (Классика российской цивилистики).

– дозволенные действия в большинстве своем допускают признание их недействительными, в то время как из недозволенных действий, не предусматривающих признания их недействительными, исключительно ничтожная сделка традиционно рассматривается как недействительная;

– недействительность любого дозволенного действия требует судебного решения по специальному иску, тогда как недействительность ничтожной сделки не нуждается в специальном судебном подтверждении путем вынесения судебного решения по специальному иску;

– признание недействительным дозволенного действия подразумевает признание его не имеющим свойств юридического факта (юридическое уничтожение этого действия), констатация недействительности ничтожной сделки – это подтверждение совершения сделкоподобного недозволенного действия для устранения юридических последствий его совершения (т.е. применения последствий недействительности ничтожной сделки).

Вместе с тем объединяющим моментом недействительности дозволенных действий и недействительности ничтожной сделки, безусловно, является то, что под юридическими последствиями недействительности понимается восстановление прежнего состояния участников.

Вышесказанное позволяет говорить о существовании двух направлений защиты нарушенных субъективных гражданских прав. **Первое направление** предусматривает, *во-первых, констатацию судом недействительности дозволенного действия, что подразумевает признание этого действия не обладающим качествами юридического факта (и, следовательно, юридически безразличным, не влекущим юридических последствий), и, во-вторых, обратный поворот возникших из него последствий.* **Второе направление** состоит в том, чтобы *ликвидировать последствия совершения недозволенного действия.*

4. Продолжая классификацию юридических фактов, можно констатировать, что в общепринятом виде современная классификация по «волевому» признаку предусматривает третий уровень: **правомерные действия** в зависимости от направленности воли на юридические последствия делятся на **юридические акты** и **юридические поступки**¹.

¹ Этот критерий, который, по-видимому, проистекает из подразделения правовых действий на умышленные действия (т.е. умышленно направленные на создание, из-

Сам критерий разграничения — направленность воли на юридические последствия возражений не вызывает, что, к сожалению, нельзя сказать о даваемой в литературе трактовке этого критерия.

Так, при подразделении правомерных действий на **юридические акты** и **юридические поступки** большинство правоведов исходят из того, что юридические акты прямо направлены на возникновение, изменение или прекращение гражданского правоотношения. В то же время под юридическими поступками обычно понимаются действия, которые вызывают подобные юридические последствия независимо от того, «сознавал или не сознавал субъект их правовое значение, желал или не желал наступления правовых последствий»¹. Иными словами, к *юридическим актам* сегодня принято относить действия, в любом случае направленные на движение гражданского правоотношения, а к *юридическим поступкам* — действия, которые могут иметь такую направленность (направленность на достижение юридических последствий), но могут и не иметь таковой.

Подобная трактовка упомянутого критерия с учетом очень узкого толкования юридических последствий лишает определенности критерий направленности воли на юридические последствия, что, во-первых, препятствует четкому подразделению на две группы правомерных действий, влекущих движение правоотношения, и, во-вторых, вовсе не позволяет «втиснуть» в рамки этой классификации те правомерные действия, которые не имеют направленностью движение правоотношения. Так, следуя обозначенной позиции, нельзя однозначно ответить на вопрос, относится ли исполнение к двусторонним или односторонним сделкам, юридическим поступкам либо вовсе к фактическим действиям.

Подводя итог, можно говорить о нецелесообразности сохранения подобного подхода к трактовке критерия разграничения (разграничения в зависимости от направленности воли на юридические последствия), хотя, бесспорно, сам критерий при условии наполнения его новым смыслом может и должен использоваться в классификации юридических фактов по «волевому» признаку (об этом см. ниже).

менение или прекращение правоотношений — так называемые сделки или акты) и неумышленные действия, использовались еще дореволюционными правоведом.

¹ *Исаков В.Б.* Юридические факты в российском праве: Учебное пособие. М.: Юстицинформ, 1998. С. 16.

Далее при рассмотрении общепринятой классификации юридических фактов по «волевому» признаку нельзя оставить без внимания то обстоятельство, что данная классификация предусматривает также и четвертый уровень разграничения: **юридические акты** сегодня принято разграничивать *в зависимости от субъектов правоотношений* на **делки, административные акты и судебные решения**. Используя этот же критерий — зависимость от субъектов правоотношений, О.А. Красавчиков подразделял юридические акты на (1) административные акты, (2) гражданско-правовые акты, (3) семейно-правовые акты, (4) судебные акты¹.

В рамках анализируемой «волевой» классификации представляется сомнительной допустимость разграничения **юридических актов** на основе такого критерия, как *субъекты правоотношений*.

Интересно, что О.А. Красавчиков резко критиковал стремление использовать одновременно два и более критерия для построения единой классификации. В частности, он писал: «Ценность всякой классификации, в том числе и классификации юридических фактов, отчасти в том и состоит, что все классифицируемые явления систематизируются по одному заранее избранному признаку подразделения, систематизации. В противном случае классификация теряет свой научный характер и практическое значение; она становится произвольным, случайным нагромождением явлений и фактов, вещей и обстоятельств... Поэтому трудно признать обоснованными попытки сделать «универсальной» одну, хотя и весьма совершенную, в частности, «волевою» классификацию путем одновременного использования двух признаков в одном акте разграничения»². Вряд ли эти умозаключения могут служить подтверждением правильности подразделения юридических фактов по субъектному составу, который использовался в том числе и самим О.А. Красавчиковым.

Приведенные выше соображения объясняют необходимость отказа от разграничения на основе такого критерия, как субъекты гражданского правоотношения в рамках «волевой» классификации³.

¹ См.: Красавчиков О.А. Указ. соч. С. 82.

² Там же. С. 86–87.

³ В то же время нет никаких препятствий для проведения самостоятельной классификации юридических фактов по субъектному признаку, если имеется нужда в таком подразделении.

Для повышения научного и практического значения классификации по «волевому» признаку предлагается использовать следующее (более подробное) подразделение.

Во-первых, все **дозволенные действия** в зависимости от *характера волеизъявления сторон* распадаются на две основные группы: **двух(многосторонние сделки** (действия, требующее встречного волеизъявления двух или более сторон) и **односторонние действия** (действия, для совершения которых достаточно волеизъявления одной стороны).

Во-вторых, **односторонние действия** в зависимости от *направленности воли на юридические последствия* подразделяются на **юридические акты** (действия, направленные на движение гражданского правоотношения), **юридические поступки** (действия, направленные на реализацию правосубъектности и защиту субъективных гражданских прав) и **результативные действия** (действия, не направленные на создание юридических последствий, с результатом совершения которых закон связывает юридические последствия).

В-третьих, **юридические акты** в зависимости от *степени формализации волеизъявления* делятся на **односторонние сделки** (действия, воля на совершение которых складывается свободно) и **публичные акты** (действия, подразумевающие обязанность волеизъявления).

Таким образом, авторская классификация юридических фактов по «волевому» признаку предусматривает разграничение:

1) **юридических фактов** в зависимости от *наличия проявления воли в юридических фактах* на **юридические действия** и **юридические события**;

2) **юридических действий** в зависимости от *соответствия изъявленной воли общим дозволениям права* на **недозволенные** и **дозволенные действия**;

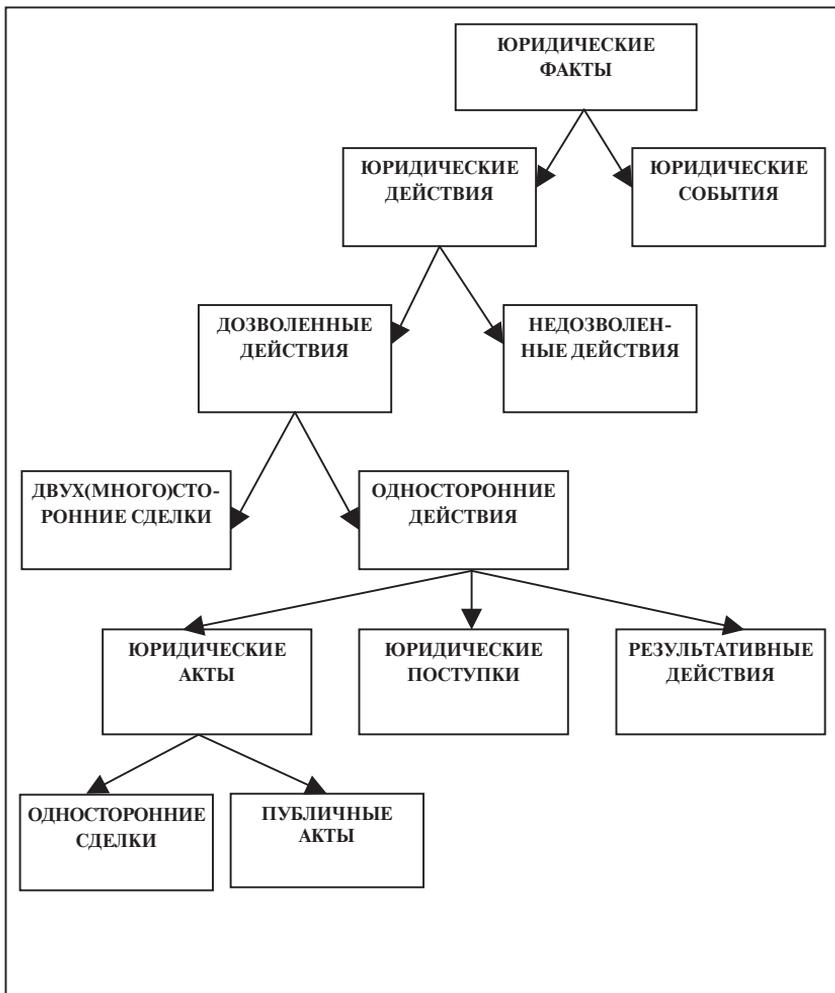
3) **дозволенных действий** в зависимости от *характера волеизъявления сторон* на **двух(многосторонние сделки** и **односторонние действия**;

4) **односторонних действий** в зависимости от *направленности воли на юридические последствия* на **юридические акты**, **юридические поступки**, **результативные действия**;

5) **юридические акты** в зависимости от *степени формализации волеизъявления* делятся на **односторонние сделки** и **публичные акты**.

В целом изложенная классификация может быть наглядно представлена в следующей таблице.

Приведенная классификация, бесспорно, требует пояснений, которые будут представлены далее.

5. Подразделение дозволенных действий на **двух(много)сторонние сделки** и **односторонние действия** в зависимости от *характера волеизъявления сторон* предполагает подразделение не только по количе-

ственной характеристике (волеизъявление одной или двух сторон), но и исходя из *необходимости наличия взаимности (или встречности) волеизъявления сторон*. Подразделение на основе совокупности этих свойств позволяет не только более четко разграничить, в частности, двусторонние и односторонние сделки, но и дать более точную и емкую характеристику названным группам.

Двух(много)сторонние сделки — это действия, которые *всегда специально направлены на произведение какого-либо юридического последствия* и являются результатом взаимодействия воли двух или более сторон. Они представляют собой **действия лиц, волеизъявления которых имеют взаимный (встречный) характер и образуют единый с юридической точки зрения волевой акт**. То есть двух(много)сторонняя сделка является не суммой двух или более односторонних волеизъявлений, а выражением общей взаимно направленной воли сторон. Так, заключая договор подряда, стороны сообща стремятся к возникновению между ними договорного обязательства, исполнение которого позволит одной стороне приобрести новую вещь, а другой — деньги за выполненную работу.

Анализируя вопросы взаимности (встречности) волеизъявления сторон, характеризующей двух(много)сторонние сделки, важно подчеркнуть необходимость отличать число *сторон правоотношения* от числа его *участников* (участвующих в правоотношении лиц). Такое разграничение приобретает значение для правильной классификации дозволенных действий в тех случаях, когда они совершаются совместно несколькими лицами: например, к односторонним действиям следует относить и выдачу доверенности, совершенную совместно несколькими лицами, и решение общего собрания акционеров об одобрении крупной сделки, требующего волеизъявления большого числа лиц, и т.д.

Под *сторонами* следует понимать *лиц, имеющих взаимно удовлетворяемый интерес*. Так, сторонами являются продавец и покупатель, арендодатель и арендатор, страховщик и страхователь и т.д. При этом может иметь место множественность участвующих лиц как на одной, так и на обеих сторонах (например, при продаже имущества продавцом может выступать одно лицо, а сторона покупателя может быть представлена несколькими участвующими лицами). Таким образом, *участники* (участвующие лица) есть *самостоя-*

тельные лица, имеющие соподправленный интерес, который позволяет им вступать в правоотношение на одной стороне. В указанном выше примере покупки имущества несколькими лицами у одного продавца действия покупателей будут соподправлены и нацелены на достижение единого юридического последствия — переход к ним права собственности на имущество.

Безусловно, более широкую «известность» приобрели двусторонние сделки, но и многосторонние сделки, требующие волеизъявления большего числа сторон, также распространены на практике. В подавляющем большинстве случаев многосторонние сделки — это сделки организационные: учредительный договор¹, договор простого товарищества (обычно именуемый договором о совместной деятельности), соглашения о сотрудничестве (к ним обычно относят договоры о создании финансово-промышленной группы, холдинга, концерна и др.).

Характеризуя двух(много)стороннюю сделку как один из видов дозволенных действий, можно говорить о том, что *она может быть направлена не только на движение гражданского правоотношения, но и на достижение любых иных предусмотренных законом юридических последствий.*

Несомненно, *движение гражданского правоотношения*, т.е. его возникновение, изменение или прекращение, было и остается самым распространенным юридическим последствием (правовым результатом) совершения двух(много)сторонней сделки. Сделка, направленная на движение гражданского правоотношения, для которой необходимо выражение согласованной воли двух сторон (двусторонняя сделка) либо трех или более сторон (многосторонняя сделка), традиционно именуется **договором** (ст. 153, п. 1, 3 ст. 154 ГК РФ).

Попутно нельзя не отметить, что в гражданском законодательстве, равно как и в гражданско-правовой доктрине, при употреблении термина «договор» нередко смешиваются несколько различных по-

¹ Учредительный договор регламентирует: 1) создание юридического лица; 2) участие учредителей в формировании имущества (уставного капитала) создаваемого юридического лица; 3) организацию деятельности, реорганизации и ликвидации создаваемого юридического лица. Таким образом, учредительный договор является одновременно и имущественным договором, и договором организационным (см. подробнее: *Рожкова М.А. Средства и способы правовой защиты сторон коммерческого спора.* М.: Волтерс Клувер, 2006).

нятий. На сегодняшний день можно говорить о выделении в литературе четырех значений термина «договор», используемого для обозначения:

– *договора-сделки*, представляющего собой основание возникновения гражданского правоотношения (юридический факт);

– *договора-правоотношения*, т.е. самого договорного правоотношения, основанием возникновения которого является договор-сделка;

– *договора-документа*, в котором волеизъявление сторон нашло свое закрепление;

– *договора – правового акта*, т.е. источника правовых правил¹.

Анализ состояния правовых разработок в области договорного права не позволяет жаловаться на отсутствие интереса к договорам в качестве сделки: сегодня проблемы двусторонних сделок, влекущих движение гражданского правоотношения, находятся, пожалуй, на пике исследовательского интереса. В связи с наличием большого количества работ, посвященных указанной проблематике, а также с учетом ограниченного объема настоящей работы договоры здесь подробно рассматриваться не будут.

Вместе с тем весьма интересными с точки зрения исследуемой тематики и требующими более детального изучения являются двух(много)сторонние сделки, направленные на иные, нежели движение гражданского правоотношения, юридические последствия.

Как уже говорилось ранее, к юридическим последствиям относятся и *последствия проявления гражданской правосубъектности*, и *последствия, наступающие в связи с защитой нарушенных субъективных гражданских прав*. Очевидным является то, что двух(много)сторонние сделки также могут порождать эти юридические последствия. Используемые для достижения названных правовых результатов двух(много)сторонние сделки обычно носят название не договоров, а **соглашений**². Но, надо признать, для их обозначения используются

¹ В качестве главного аргумента, подтверждающего понимание термина «договор» как источника права, признается текст самого ГК РФ, в котором отнюдь не редким является выражение «если иное не предусмотрено законом или договором».

² Высказываются различные точки зрения по вопросу о соотношении терминов «договор» и «соглашение». Наибольшее распространение получила, пожалуй, точка зрения, согласно которой понятие «соглашение» более широкое, нежели понятие «договор». Так, указывая, что объемы понятий «договор» и «соглашение» не совпадают

и иные термины, например акт приема-передачи вещи – двусторонняя сделка, направленная на осуществление прав.

Предвидя, что против вывода о допустимости двух(много)сторонних сделок, направленных не на движение гражданского правоотношения, будут высказаны возражения, которые, как представляется, будут базироваться на положениях ст. 153 ГК РФ, хотелось бы указать следующее.

Действительно, ст. 153 ГК РФ дает определение сделки, указывая в качестве характерного признака направленность действия на возникновение, изменение и прекращение правоотношения. В связи с этим в литературе обычно отвергается допустимость сделки, не воздействующей непосредственно на движение самого гражданского правоотношения.

Однако, думается, сделки, направленные на иные, нежели движение правоотношения, юридические последствия, не только имеют право на существование, но и, более того, испытывают настоятельную потребность в легальном признании. В качестве аргумента в поддержку данному умозаключению можно указать следующее.

В работе «Понятие сделки по советскому гражданскому праву» М.М. Агарков пишет, что большинство сделок направлено на установление, прекращение или изменение правоотношений. Вместе с тем, по его мнению, имеются и другие сделки, не оказывающие влияние на движение правоотношения, которые «все же правильно считать сделками, так как на них распространяются те же правила, которые существуют для сделок»¹.

Далее М.М. Агарков признает, что не каждая сделка, взятая отдельно, достаточна для произведения такого юридического эффекта, как движение гражданского правоотношения. Установление, изменение, прекращение правоотношения, с его точки зрения, могут быть результатом более сложного фактического состава, чем одна лишь сделка, и, в частности, включать две и даже более сделок («сложная сделка»). Отсюда он делает следующий вывод: «Направ-

ют, М.И. Брагинский подчеркивает: «...если договор – это соглашение, то не всякое соглашение представляет собой договор». Но, как далее пишет ученый, непосредственно в ГК РФ термин «соглашение» используется для обозначения основания для движения правоотношения, имеющего форму двух(много)сторонней сделки (Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право: Общие положения. С. 116, 119).

¹ Агарков М.А. Указ. соч. С. 349.

ленность действия на установление, изменение или прекращение гражданских правоотношений имеется не только тогда, когда стороны выразили волю непосредственно произвести этот эффект, но и тогда, когда они выразили волю, направленную на определение тех условий, от которых будет зависеть наступление эффекта»¹.

В качестве иллюстрации вышесказанному допустим следующий пример. Стороны заключили договор (двух(много)стороннюю сделку, направленную на движение гражданского правоотношения), в результате чего между ними возникло договорное отношение. Учитывая вероятность допущения нарушений с каждой из сторон, участники сделки согласовали также определенную модель защиты прав, т.е. совершили двустороннюю сделку, потенциально направленную на защиту прав. Такая сделка может найти свое отражение в основном договоре (например, договорные условия о неустойке, соглашение о подсудности), но может оформляться и самостоятельным документом (например, арбитражное соглашение, соглашение о залоге).

Двух(много)сторонняя сделка, которая не имеет целью движение правоотношения, но направлена, как в рассмотренном случае, на защиту гражданских прав в случае их нарушения контрагентом, безусловно, важна для наступления желаемых юридических последствий. При этом сделка, направленная на защиту прав, нередко заключается уже после состоявшегося оспаривания или нарушения субъективных гражданских прав. Например, арбитражное соглашение может выступать в виде третьей записи, заключаемой сторонами после нарушения прав (самостоятельный договор-документ); также после нарушения субъективных гражданских прав (или при возникновении правовой неопределенности) стороны вправе заключить мировую сделку.

С учетом сказанного **соглашения двух и более лиц, направленные на защиту субъективных гражданских прав, являются двух(много)сторонними сделками вне зависимости от того, воздействуют они на движение гражданского правоотношения или нет.** Иными словами, такие сделки могут входить в состав сложной сделки, не воздействуя на движение гражданского правоотношения (соглашение о неустойке), либо влиять на движение гражданского правоотношения (преобразовательная мировая сделка), либо, не воздействуя на движение

¹ *Агарков М.А.* Указ. соч. С. 350.

правоотношения, в то же время и не составлять сложной сделки (арбитражное соглашение, подтверждающая мировая сделка).

Используя двух(много)стороннюю сделку как средство правовой защиты, стороны преследуют цель достижения различных правовых результатов. Вследствие этого все двух(много)сторонние сделки, направленные на защиту прав, разделяются на две группы:

1) *сделки, определяющие форму защиты прав* (соглашение о подсудности, прогнационное соглашение, арбитражное соглашение и т.д.);

2) *сделки, определяющие способ защиты прав* (мировые сделки)¹.

Не меньший интерес вызывают двух(много)сторонние сделки, посредством которых реализуется гражданская правосубъектность, в том числе направленные на осуществление субъективных гражданских прав. И здесь, надо отметить, допустимость сделок, связанных с осуществлением субъективных гражданских прав, вызывает возражение большинства правоведов. В частности, сомнения высказываются в отношении отнесения к двух(много)сторонним сделкам действий по передаче вещи приобретателю, сдаче ее перевозчику для отправки или в организацию для пересылки и т.п.

Вместе с тем в литературе высказывается и мнение о том, что всякое исполнение следует рассматривать как двустороннюю сделку, которая, однако, не является договором².

Последний тезис представляется не бесспорным. Думается, что для тех случаев, когда закон требует встречного волеизъявления сторон для принятия исполненного, стороны, исполняя обязанности, совершают двух(много)стороннюю сделку. Так, передача имущества требует волеизъявления одной стороны на передачу этого имущества и другой стороны — на принятие этого имущества.

В тех же ситуациях, когда допускается одностороннее волеизъявление, направленное на исполнение обязанности, имеет место юридический поступок (см. о нем далее). Исполнение в качестве юри-

¹ Подробнее об этом см.: *Рожкова М.А.* Мировая сделка: использование в коммерческом обороте. М.: Статут, 2005.

² Обзор мнений относительно правовой природы исполнения см.: *Сарбаш С.В.* Исполнение договорного обязательства. М.: Статут, 2005. С. 27–84. С.В. Сарбаш делает вывод о том, что исполнение обязательства является двусторонней сделкой особого рода, направленной исключительно на прекращение обязательства посредством доставления кредитору и принятия последним объекта гражданского права и *mutatis mutandis* прав на него (см. там же. С. 83).

дического поступка (одностороннего действия) может иметь место, например, тогда, когда предметом обязательства выступает воздержание должника от действия: волеизъявление должника состоит в несовершении действия, а встречного волеизъявления кредитора здесь вовсе не требуется. Либо в ситуации, когда кредитор уклоняется от принятия исполнения, последнее может быть осуществлено должником посредством внесения денег или ценных бумаг в депозит нотариуса (ст. 327 ГК РФ). Хотя, наверное, в большинстве случаев исполнение представляет собой все же двустороннюю сделку, которая требует единства и взаимности волеизъявления сторон¹.

Несомненно, используемое в настоящей работе подразделение двух(много)сторонних сделок на «договоры» (двух(много)сторонние сделки, направленные на движение гражданского правоотношения) и «соглашения» (двух(много)сторонние сделки, направленные на осуществление или защиту субъективных гражданских прав) является в достаточной мере условным. Это объясняется тем, что в любой из указанных сделок воля всегда направлена на создание юридических последствий, что отличает двух(много)сторонние сделки от односторонних действий, воля сторон которых имеет различные «векторы».

Двух(много)сторонние сделки, безусловно, допускают их оспаривание, т.е. предъявление в суд требования о признании их недействительными. Причем это утверждение распространяется как на *договоры*, основания недействительности и субъекты оспаривания которых поименованы в гражданском законодательстве, так и на *соглашения*, перечень оснований недействительности и круг субъектов оспаривания которых несколько уже и законодателем специально не установлены.

¹ К сожалению, волеизъявление одной стороны сделки по исполнению не всегда проявляется выпукло, и в связи с этим юристы нередко вовсе отказывают в признании за исполнением свойств юридического действия. Самым распространенным обоснованием этой позиции является ссылка на отсутствие волеизъявления со стороны кредитора (услугополучателя) при исполнении длящегося обязательства по оказанию услуг. Между тем длительность получения услуги и пассивность поведения кредитора не означают отсутствие с его стороны волеизъявления, направленного на получение услуги, вследствие чего обоснован вывод С.В. Сарбаша о том, что исполнение есть юридическое действие (см.: *Сарбаш С.В.* Указ. соч. С. 38–39).

Односторонние действия являются другой группой, составляющей дозволенные действия. Характер волеизъявления в односторонних действиях существенно отличается от характера волеизъявления в двух(много)сторонних сделках: односторонние действия в отличие от двух(много)сторонних сделок **не нуждаются во встречном волеизъявлении с другой стороны и для их совершения достаточно волеизъявления только одной стороны правоотношения**. При этом если воля сторон двух(много)сторонних сделок всегда направлена на возникновение юридических последствий («юридический же интерес действия происходит от соприкосновения одного человека с другим»¹), то воля лиц, совершающих односторонние действия, может иметь и иную направленность. В зависимости от *направленности воли на юридические последствия* допускаемые законом **односторонние действия**, как говорилось выше, можно разделить на три группы: во-первых, **юридические акты** (действия, направленные на движение гражданского правоотношения); во-вторых, **юридические поступки** (действия, направленные на реализацию правосубъектности и защиту субъективных гражданских прав); в-третьих, **результативные действия** (действия, направленные на достижение фактических последствий, с результатом совершения которых закон связывает юридические последствия).

Дать развернутую общую характеристику группе односторонних сделок несколько затруднительно по причине большого разнообразия односторонних действий. Вследствие этого целесообразнее рассмотреть подробно каждую из разновидностей односторонних действий отдельно.

6. Юридические акты относятся к разряду односторонних действий, которые совершаются с целью породить конкретные юридические последствия: *они имеют направленностью только возникновение, изменение или прекращение гражданского правоотношения (движение правоотношения)*.

Совершение юридического акта, как сказано выше, влечет движение гражданского правоотношения. Поскольку движение правоотношения в этом случае является следствием волеизъявления **только одной стороны правоотношения** в то время как другая сторона может как ожидать его осуществления (так, представитель вправе

¹ Мейер Д.И. Указ. соч. С. 175.

ожидать от представляемого выдачи доверенности), так и возражать против этого (например, возражения должника при одностороннем отказе кредитора от договора или возражения собственника при реквизиции имущества по решению государственного органа) или вовсе не знать об этом (например, неведение наследника о составлении завещания), *к порядку осуществления и оформления такого волеизъявления зачастую предъявляются специальные требования*. Так, право традиционно предусматривает специальные требования к форме завещания и доверенности, порядку принятия решения органами юридических лиц и т.д.

Установленные правом специальные требования к форме и порядку совершения конкретных юридических актов в большинстве случаев предусмотрены в императивной форме и, следовательно, не допускают отклонения от них. Признать за односторонним действием значение юридического акта можно прежде всего при условии, если оно отвечает специальным требованиям, императивно предъявляемым к его форме и порядку совершения. В противном случае за совершенным актом не будут признаваться юридические последствия, т.е. такое действие с юридической точки зрения не будет рассматриваться как совершенное. В частности, такой случай может иметь место при выдаче не удостоверенной нотариусом доверенности на совершение сделки, требующей нотариальной формы, издании акта органом государственной власти с нарушением предусмотренной законом процедуры и т.п.

Соблюдение же специальных требований, предъявляемых к форме и порядку совершения юридического акта, позволяет говорить о состоявшемся юридическом факте, но вовсе не препятствует постановке вопроса о действительности этого юридического акта. По этому поводу еще в XIX в. Е.Н. Трубецкой писал, что для «совершения юридических актов закон устанавливает определенный способ, причем соблюдение этого способа во всех случаях дает возможность удостовериться в действительности совершения актов»¹. Таким образом, **всякий юридический акт может быть оспорен в судебном порядке посредством предъявления специального иска о признании его недействительным** по мотивам несоответствия закону или иному нор-

¹ Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права. СПб.: Лань, 1999. С. 191 (Классики истории и философии права).

мативному правовому акту, превышения органом государственной власти компетенции, несоблюдения предусмотренной законом формы акта или порядка его совершения и т.д.

Анализ практики совершения юридических актов позволяет говорить о том, что не всегда воля субъекта волеизъявления может складываться свободно — в некоторых случаях право специально возлагает на субъекта волеизъявления **обязанность проявить волю**. Речь, конечно, идет о случаях совершения юридических актов публичными органами, к которым относятся государственные органы и органы местного самоуправления. Для них правом установлены определенные стандарты поведения: по вопросам, отнесенным к их компетенции, публичные органы не только *вправе* изъявить волю, но и *обязаны* это делать при отсутствии формальных оснований для отказа в совершении такого юридического акта. Таким образом, *на публичные органы возлагается обязанность осуществить стандартное волеизъявление по вопросу их компетенции, что позволяет говорить о высокой степени формализации волеизъявления этих лиц*.

Так, в силу ст. 51 ГК РФ органы юстиции, производящие регистрацию юридических лиц, обязаны осуществить регистрацию вновь созданного юридического лица (осуществить стандартное волеизъявление); отказ в регистрации возможен только в случаях, установленных в законе. В отсутствие формальных оснований для отказа в регистрации вновь созданного юридического лица такой отказ, равно и уклонение от совершения этого юридического акта, рассматривается как недозволенное действие (уклонение от совершения действия в тех случаях, когда правом прямо возложена обязанность совершения такого действия).

В отличие от публичных органов частные лица могут беспрепятственно и независимо проявлять волю на совершение юридического акта (что, впрочем, не отменяет необходимости соблюдения императивных требований к форме и порядку их совершения) либо вовсе не изъявлять воли на совершение одностороннего действия. То есть отсутствие предусмотренных правом стандартов поведения для частных лиц позволяет говорить об отсутствии формализации волеизъявления частных лиц и санкционирует самостоятельность этих лиц в решении вопроса совершения или несоблюдения односторонней сделки.

Вышеизложенное позволило подразделять **юридические акты по степени формализации волеизъявления на односторонние сделки и публичные акты.**

Безусловно, разграничение юридических актов по степени формализации волеизъявления обнаруживает совершенно определенную зависимость от субъекта волеизъявления (для первого случая такими субъектами традиционно признаются частные лица, для второго – государственные органы). Но все же не субъект, а именно степень формализации волеизъявления позволяет разделить юридические акты на две упомянутые группы.

Разграничивать юридические факты по субъектам волеизъявления в рамках «волевой» классификации юридических фактов представляется неверным (об этом говорилось ранее). И, кроме того, это не дало бы необходимых результатов в силу следующего.

Российская Федерация, ее субъекты и муниципальные образования действуют через систему своих органов, наделяемых компетенцией, объем и содержание которой определяется в специальных правовых актах. *Публичные органы* (государственные органы и органы местного самоуправления) в общем создаются для решения публично-правовых (общественных) задач, вследствие чего они *обладают вполне определенными полномочиями и компетенцией по изданию правовых актов, властно воздействующих на гражданские правоотношения.*

В рамках своей компетенции публичные органы могут соответственно от имени Российской Федерации, субъекта Федерации или муниципального образования вступать в гражданский оборот, приобретая или осуществляя подобающие права и обязанности. Например, ФЗ «О концессионных соглашениях» допускает, что орган местного самоуправления, выступающий от муниципального образования, вправе выступать в установленном порядке в качестве концедента, предоставляющего в эксплуатацию частным лицам объекты в сфере общественных и коммунальных услуг (это могут быть, в частности, общественный транспорт, водоотведение, городское хозяйство и т.д.). В результате такого рода действий публичных органов участниками гражданских правоотношений становятся публично-правовые образования (Российская Федерация, субъект Федерации или муниципальное образование), которые, как обычно

отмечается, «созданы не для участия в гражданских правоотношениях, которое носит для них вынужденный, вспомогательный по отношению к основной деятельности характер»¹. Таким образом, *вступление в гражданский оборот от имени соответствующего публично-правового образования не влечет непосредственно для публичных органов возникновение гражданских прав и обязанностей.*

Но нельзя забывать о том, что *публичные органы, создаваемые по общему правилу в форме учреждения (некоммерческой организации), могут вступать в гражданский оборот и от собственного имени для реализации собственных нужд.* При этом, вступая в гражданский оборот, такие учреждения (публичные органы) действуют как равноправные его участники, не обладающие преимуществами по сравнению с другими субъектами – гражданами и юридическими лицами. Например, орган регистрации прав на недвижимое имущество при покупке канцелярских товаров вступает в договорные отношения как частное лицо, которое, бесспорно, обладает равными правами с другим частным лицом – продавцом этих товаров.

Это означает, что *публичные органы при вступлении их в гражданский оборот от собственного имени приравниваются к частным лицам,* в силу чего они обладают возможностями осуществлять различного рода дозволенные действия, обычно «доступные» частным лицам, – например, совершать двусторонние и односторонние сделки, если иное не предусмотрено законом. Так, публичный орган (учреждение) может выдать доверенность, в одностороннем порядке отказаться от исполнения договора (если это допускается законом), объявить публичный конкурс и т.д.

В этом проявляется особенность положения публичных органов как субъектов гражданского права – положения, которое существенно отличается от положения граждан и юридических лиц. И именно двойственность положения публичных органов является еще одним препятствием для использования в рамках «волевой» классификации такого критерия, как субъект волеизъявления. И напротив, подразделение юридических актов по степени формализации волеизъявления дает весьма четкую картину: если волеизъявление на совершение юридического акта является обязательным, ограничено рамками компетенции и формализовано (стандартное волеизъявление), такой

¹ Гражданское право: Учебник: В 2 т. Т. 1 / Отв. ред. Е.А. Суханов. С. 283.

юридический акт, несомненно, является публичным актом. Если же волеизъявление является свободным, то это — односторонняя сделка, в том числе и тогда, когда субъектом волеизъявления выступил публичный орган.

Подразделение юридических актов на **односторонние сделки** и **публичные акты**, думается, позволяет в полной мере выявить особенности каждой из названных групп юридических актов.

Односторонние сделки, являясь разновидностью юридических актов, *направлены на достижение такого правового результата, как движение гражданского правоотношения*. Это в определенной степени сближает их с двусторонними сделками, направленными на движение гражданского правоотношения (договорами), и в силу ст. 156 ГК РФ позволяет применять к таким юридическим последствиям односторонних сделок, как возникновение, изменение или прекращение обязательств, общие положения об обязательствах и договорах постольку, поскольку это не противоречит закону, характеру и существу односторонней сделки¹.

За исключением отмеченного сходства, односторонние сделки существенно отличаются от сделок двух(много)сторонних; каждое из названных юридических действий обладает своими специфическими свойствами.

Прежде всего в отличие от двух(много)сторонней сделки **для совершения односторонней сделки достаточно волеизъявления одной стороны правоотношения**. Но *юридические последствия односторонней сделки, безусловно, отражаются на движении гражданского правоотношения в целом*: ее (сделки) правовым результатом может быть возникновение, изменение или прекращение этого правоотношения, установленного по крайней мере между двумя лицами. В качестве иллю-

¹ Статья 156 ГК РФ имеет следующую редакцию: «К односторонним сделкам соответственно применяются общие положения об обязательствах и о договорах постольку, поскольку это не противоречит закону, одностороннему характеру и существу сделки». Однако анализ нормы ст. 156 ГК РФ дает основания для вывода о том, что в ней имеется в виду не собственно односторонняя сделка как основание возникновения договорного обязательства, а последствия ее совершения — т.е. **само возникшее обязательственное правоотношение**. Применение к односторонней сделке правил о заключении, изменении или расторжении договора недопустимо, равно как и другие положения, которые регулируют договор как основание возникновения обязательственного правоотношения.

люстрации можно было бы сослаться на такие односторонние сделки, как, например, составление завещания, объявление торгов, публичное обещание награды, объявление публичного конкурса, в результате которых возникают гражданские правоотношения, а также односторонний отказ от договора или одностороннее изменение его условий (когда это предусмотрено законом или договором), влекущие соответственно прекращение или изменение правоотношения.

Общее правило, установленное в ст. 155 ГК РФ, предусматривает, что односторонняя сделка создает обязанности для лица, совершившего сделку. То есть лицо, совершившее одностороннюю сделку, тем самым принимает на себя обязанность по отношению к адресату сделки (или нескольким адресатам). Так, публичное обещание награды влечет соответствующую обязанность у лица, объявившего публично о выплате денежного вознаграждения или выдаче иной награды, по отношению к тому, кто совершит указанное в объявлении действие в указанный в нем срок (п. 1 ст. 1055 ГК РФ).

Вместе с тем та же ст. 155 ГК РФ допускает в некоторых случаях создание односторонней сделкой обязанности для других лиц, ограничивая такие случаи специальным указанием в законе или наличием соглашения с лицом, на которое возлагается эта обязанность. Данное положение представляется важным с той точки зрения, что позволяет подразделять односторонние сделки на два вида: односторонние сделки, которые *сами по себе (автономно)* влекут движение гражданского правоотношения, и односторонние сделки, которые носят *вспомогательный характер* и входят как элемент в юридический состав¹, влекущий указанные юридические последствия.

Односторонних сделок, которые *сами по себе (автономно)* влекут упомянутые юридические последствия, не слишком много. В число таких сделок, автономно воздействующих на движение гражданского правоотношения, входят некоторые из названных выше видов: завещание, объявление торгов, публичное обещание награды, объявление публичного конкурса, односторонний отказ от договора или одностороннее изменение его условий в допускаемых законом случаях, отказ от принятия наследства. Такого рода сделка не только

¹ Под юридическим составом традиционно понимается совокупность юридических фактов, необходимых для наступления определенных юридических последствий.

не требует взаимности (встречности) волеизъявления другой стороны, но и, более того, *для ее совершения вовсе не требуется соглашения с другой стороной правоотношения*. Таким образом, ее отличительной чертой является самостоятельный характер.

Большинство же односторонних сделок носят *вспомогательный характер* и входят в качестве одного из элементов в юридический состав, который только в завершённом состоянии «движет» правоотношение. Повода признавать их самостоятельно порождающими названные последствия не имеется.

Односторонние сделки, носящие вспомогательный характер, гораздо многочисленнее. И в качестве самого популярного примера такой сделки можно назвать выдачу доверенности, которая осуществляется только при наличии договора поручения, и, следовательно, только при накоплении юридического состава возникают соответствующие юридические последствия.

Другим распространенным видом односторонних сделок, имеющих вспомогательный характер, следует признать **согласие**. Не порождая само по себе свойственных юридическому акту последствий, согласие в случаях, определенных в законе либо договоре, является обязательным условием заключения договора, т.е. выступает необходимым элементом юридического состава, направленного на возникновение договорных отношений.

Согласие может сводиться к *волеизъявлению одного лица* или *совпадающему волеизъявлению нескольких участников одной стороны, имеющих соподнаправленный интерес*. Вторая разновидность согласия возбуждает, вероятно, наибольший интерес, поскольку, имея частое применение на практике, вызывает немалое количество споров как среди теоретиков, так и среди практиков.

Согласие, требующее совпадения волеизъявления нескольких лиц, может быть выражено в ходе их непосредственного контакта (на переговорах, на заседании исполнительных органов юридического лица, на общем собрании и т.д.) либо иметь разрыв во времени (например, при переписке).

В тех случаях, когда согласие должно быть выражено несколькими участниками, выступающими на одной стороне гражданского правоотношения, проблем, как правило, не возникает. Например, п. 1 ст. 1044 ГК РФ требует получения согласия всех товарищей на совер-

шение сделки при совместном ведении дел; отсутствие согласия одного из них не позволяет говорить о выполнении этого условия.

Другое дело, когда согласие представляет собой юридический акт сравнительно большого числа лиц: это, в частности, ситуация выражения согласия общего собрания акционеров акционерного общества на совершение крупной сделки. Его особенностью традиционно признается то, что решение о согласии принимается большинством голосов (простым или квалифицированным), тогда как меньшинству остается только подчиниться большинству. Такое подчинение, допускающее по сути игнорирование воли меньшинства со стороны большинства, предусматривает режим работы любого общего собрания. Иной подход существенно ограничивал бы сделкоспособность юридических лиц.

Немаловажным представляется отметить также и то, что выражение согласия на совершение сделки представляет собой одностороннюю сделку, носящую вспомогательный характер, но не являющуюся элементом двух(много)сторонней сделки. Выражение согласия (односторонняя сделка) есть обязательный юридический факт, с которого начинается накопление юридического состава.

Вообще согласие – юридический акт, который *всегда* начинает накопление юридического состава; до его получения в тех случаях, когда согласие признается правом обязательным, все совершенные действия рассматриваются только как действия фактические, т.е. не влекущие юридических последствий.

В тех же случаях, когда совершение односторонней сделки требует от лица, к которому она обращена, осуществления конкретных действий для того, чтобы воспользоваться вытекающими из нее правами, речь идет уже не о выражении согласия, а об осуществлении субъективных прав. Например, для приобретения наследства требуется, чтобы наследник принял его посредством фактического вступления во владение наследственным имуществом или подал заявление о принятии наследства. Равно и получение награды, о которой было публично объявлено, требует от обратившихся лиц предоставления соответствующей информации. Такого рода ответные действия – не что иное, как *действия, направленные на осуществление субъективных гражданских прав*, т.е. разновидность действий, посредством которых реализуется правосубъектность, и вследствие

этого к односторонним сделкам не относящиеся (в первом случае — юридический поступок, о котором будет сказано далее; во втором — двусторонняя сделка). Как и упомянутые односторонние сделки (здесь — завещание, публичное обещание награды), названные действия носят также самостоятельный характер.

Еще одним «популярным» видом односторонних сделок, на которых хотелось бы остановиться, являются **решения органов юридических лиц**. Эти односторонние сделки нередко самостоятельно не влекут движения гражданских правоотношений и являются юридическим фактом, носящим вспомогательный характер. При этом в отличие от согласия, начинающего накопление юридического состава, решение органов юридических лиц обычно завершает юридический состав, направленный на движение гражданского правоотношения.

Так, устав акционерного общества может предусматривать срок и порядок выплаты дивидендов. Вместе с тем именно решение о выплате (объявлении) дивидендов, в том числе о размере дивиденда и форме его выплаты по акциям, принимаемое общим собранием акционеров, является тем действием, совершение которого влечет для этого акционерного общества возникновение обязанности по выплате объявленных дивидендов. То есть решение органа юридического лица (в рассмотренном случае — общего собрания акционеров) является замыкающим юридический состав юридическим фактом, который влечет изменение гражданского правоотношения (порождая для этого юридического лица конкретную обязанность по выплате дивидендов лицам, имеющим право на их получение).

Надо отметить, что правовая природа решений органов юридических лиц (по сути решений частных лиц) ранее не вызывала исследовательского интереса у отечественных цивилистов. В силу отсутствия теоретических разработок по указанной тематике решения частных лиц и решения публичных органов в общем не разграничивались. Между тем они имеют существенные отличия, которые не позволяют их смешивать.

Публичные акты (в ст. 8, 12, 13 ГК РФ они называются актами государственных органов и органов местного самоуправления) традиционно рассматриваются как юридические факты, воздействующие

на движение гражданского правоотношения (т.е. признаются основанием возникновения гражданских прав и обязанностей).

Характеризуя публичные акты, нельзя обойти вниманием то, что к компетенции публичных органов может относиться издание как нормативных, так и ненормативных актов.

В том случае, если акты государственных органов и органов местного самоуправления могут носить нормативный характер, т.е. содержат в себе *общие правила* поведения граждан и организаций, то они юридическими фактами не являются, ибо издание такого акта «не приводит к возникновению конкретных правоотношений, а ограничивается лишь формулированием условий, при наступлении которых правоотношения могут возникнуть»¹.

В то же время акты государственных органов и органов местного самоуправления, которые адресованы конкретным лицам и направлены на установление, изменение или прекращение конкретных гражданских правоотношений, имеют силу юридических фактов. Именно эти – ненормативные – акты публичных органов названы в настоящей работе публичными актами.

Ненормативные акты государственных органов и органов местного самоуправления здесь специально не названы административными актами, поскольку административные акты – понятие куда более широкое. Административные акты, как известно, могут устанавливать не только гражданские правоотношения: иногда они ограничиваются установлением отношений административных. И в этом случае они, бесспорно, не представляют интереса с точки зрения цивилистики. Хотя надо согласиться с О.С. Иоффе, который считал, что акты, «даже направленные на установление гражданских правоотношений, порождают в то же время и определенные административные правоотношения... орган, издающий административный акт, сам не становится участником возникшего из этого акта гражданского правоотношения, тогда как лицо, совершающее сделку в целях установления гражданского правоотношения, само становится участником этого правоотношения»².

Публичные акты, как и односторонние сделки, весьма разнообразны. Как и односторонние сделки, публичные акты можно разде-

¹ Иоффе О.С. Указ. соч. С. 194.

² Там же. С. 196.

лить на те, которые *сами по себе (автономно)* влекут движение гражданского правоотношения, и те, которые носят *вспомогательный характер*, входя элементом в юридический состав, влекущий указанные юридические последствия.

Особенностью публичных актов можно признать то, что сами по себе они влекут только изменение или прекращение гражданского правоотношения (например, решение о реквизиции прекращает право собственности (ст. 242 ГК РФ)). В то же время возникновение гражданского правоотношения сами по себе публичные акты повлечь «не в силах»: обычно это юридическое последствие наступает результатом всего юридического состава, элементом которого является публичный акт¹. Так, заключению концессионного соглашения предшествует целый ряд подготовительных действий, первым из которых является решение концедента (публичного органа) о заключении концессионного соглашения, в котором устанавливается конкурсная документация, определены условия концессионного соглашения, порядок его заключения и состав конкурсной комиссии.

Другой отличительной чертой публичных актов является разнообразие их оформления. Наверное, первым приходящим на ум публичным актом будет решение или постановление государственного органа, оформление которого отличается ярко выраженной внешней атрибутикой: наименование публичного акта, номер, дата и место его совершения (издания), текст (содержание), подпись с расшифровкой фамилии и должностного положения подписавшего лица, а также печати, штампы и т.п. В то же время акт государственной регистрации права на недвижимость, также являясь одним из публичных актов, облачен в совсем иную форму. Такой публичный акт, как согласие антимонопольного органа на осуществление некоторых сделок, также имеет свою форму, которая предусматривает определенные внешние формальные реквизиты.

Но самым своеобразным видом публичных актов является, без сомнения, судебное решение. Характеризуя его, можно говорить о том, что оно выделяется из ряда прочих публичных актов тем, что процессуальное право подробнейшим образом регламентирует не

¹ Анализ ст. 8 ГК РФ позволяет говорить о том, что речь в ней идет о возникновении гражданских прав и обязанностей, что, безусловно, не тождественно возникновению гражданского правоотношения в целом.

только порядок его принятия, но и способ его оформления, в силу чего судебное решение иногда называют наиболее формализованным правоприменительным актом. **Отличительной чертой судебного решения является недопустимость предъявления искового требования о признании его недействительным.** Такое исключение из общего правила обусловлено тем, что судебное решение допускает его проверку в особом порядке, определенном арбитражным процессуальным или гражданским процессуальным законодательством. Совокупность указанных выше обстоятельств не позволяет возражать против того, что судебное решение в ст. 8 ГК РФ, определяющей основания возникновения гражданских прав и обязанностей, обособлено от иных публичных актов.

7. Юридические поступки стали предметом исследования сравнительно недавно.

Наименование «юридические поступки» было присвоено М.М. Агарковым той части юридических действий, которые были направлены не на юридические последствия, а на признание фактов или уведомление о фактах, которые будут иметь место в будущем и которые влекут за собой юридические последствия независимо от того, были ли указанные действия направлены на эти последствия или нет.

Соглашаясь с мнением О.А. Красавчикова, который считал, что сфера применения юридических поступков была М.М. Агарковым необоснованно сужена¹, можно также поддержать и его вывод о необходимости выделять несколько видов юридических поступков. Вместе с тем предложенное О.А. Красавчиковым определение юридического поступка как правомерного юридического действия, с которым нормы права связывают юридическое последствие независимо от того, было ли направлено это действие на указанные последствия или нет², представляется недостаточно четким.

В этой связи в настоящей работе по-иному определяются юридические поступки.

¹ О.А. Красавчиков выделял по меньшей мере пять разновидностей юридических поступков, относя к ним юридические поступки, посредством которых осуществляется: (1) передача имущества, выполнение работ и оказание услуг; (2) уведомление (признание) об определенных фактах; (3) создание новых (уничтожение, потребление существующих) объектов прав; (4) право, принадлежащее данному лицу; (5) самозащита прав и охраняемых законом интересов лиц (см.: *Красавчиков О.А. Указ. соч. С. 157*).

² *Красавчиков О.А. Указ. соч. С. 156.*

Юридические поступки имеют с юридическими актами то общее, что и они совершаются со специальным намерением вызвать юридические последствия. Отличие же юридического акта от юридического поступка проявляется именно в том, что первый направлен на движение правоотношения, тогда как второй — только на реализацию правосубъектности и защиту гражданских прав. Или, иными словами, *всякое дозволенное одностороннее действие, направленное на реализацию правосубъектности или защиту субъективных гражданских прав, с которым нормы права связывают юридические последствия*, — это **юридический поступок**.

Юридические поступки весьма многообразны и охватить все разнообразие рассматриваемой категории весьма сложно, в том числе и по той причине, что за действиями, направленными на реализацию правосубъектности и защиту гражданских прав, отечественные цивилисты вовсе не признавали значение юридических действий.

Результатом подобного подхода явилось то, что признание долга большинством юристов затрудняются классифицировать, тогда как это является обычным юридическим поступком, который напрямую связан с реализацией предоставленных субъекту гражданско-правовых правомочий и не воздействует на движение гражданского правоотношения.

По своей направленности юридические поступки могут быть разграничены на две группы. Первая из них — юридические поступки, направленные на реализацию правосубъектности, — охватывает сравнительно небольшой круг дозволенных односторонних действий. К ним можно отнести исполнение обязательства не кредитору (например, внесение денежных средств в депозит нотариуса при уклонении кредитора от принятия исполнения), признание долга, принятие наследства, использование (потребление) объекта прав и т.д.

Вторая группа юридических поступков — юридические поступки, направленные на защиту субъективных гражданских прав, — несомненно, более многочисленна. К ним можно отнести и предъявление нарушителю требования об определенном поведении (предъявление претензии или искового требования), заявление возражений на предъявленные требования (ответ на претензию или отзыв на иск), отказ от принятия ненадлежащего исполнения, удержание, отказ от оплаты не предусмотренных договором работ и т.д.

Применительно к юридическим поступкам вопрос об их недействительности подниматься не может. Впрочем, если юридический поступок подразумевает *несовершение* одной стороной того действия, которое ожидала от нее другая сторона (удержание имущества, отказ от оплаты не предусмотренных договором работ и т.п.), последняя вправе обратиться с требованием о понуждении первой к исполнению обязанности в натуре.

8. Результативные действия как разновидность односторонних действий также нуждаются в краткой характеристике. Сегодня результативные действия принято относить к юридическим поступкам, но они, несомненно, выделяются из числа последних, образуя самостоятельную группу. Это выделение обусловлено целым рядом специфических признаков, присущих результативным действиям.

Прежде всего эта группа действий отличается от прочих односторонних действий целевой направленностью: *лица, совершающие результативные действия, вовсе не имеют целью достижение правового результата*, ими движет стремление получить реальные плоды своих фактических действий. **И с появлением реальных плодов (объективированного результата) совершения фактических действий право связывает конкретные юридические последствия.** Так, изготовление вещи влечет возникновение права собственности на нее, создание произведения литературы или искусства — исключительных прав и т.д., поскольку именно эти юридические последствия предусмотрены в случае появления указанных результатов деятельности.

Характерной особенностью результативных действий является то, что *право связывает юридические последствия не с самими действиями лица, а именно с появлением объективированного результата этих действий* — созданной вещью, изобретением, произведением искусства, кладом и т.п. В отсутствие же этого объективированного результата фактических действий говорить о совершенном результативном действии не приходится.

Анализируя данную группу односторонних действий, нельзя говорить о том, что, совершая результативное действие, лицо вовсе не изъявляло воли, — воля лица была выражена на совершение фактических действий, но не на создание юридических последствий. И тем не менее такие последствия наступают в силу прямого указания закона: результативные действия влекут наступление правового

результата (чаще всего – возникновение гражданского правоотношения). Так, создавая произведение искусства, его создатель может и не знать о возникновении гражданского правоотношения и соответственно исключительных прав, обладателем которых он становится в силу факта создания этого произведения¹. Обнаружение клада при определенных условиях порождает для собственника имущества, где был сокрыт клад, и лица, его обнаружившего, право собственности на обнаруженные вещи при том, что воля названных лиц вовсе не была направлена на возникновение гражданского правоотношения.

Привязка юридических последствий не к самим (фактическим) действиям, а к возникновению их объективированного результата позволяет утверждать, что *результативные действия имеют юридическое значение вне зависимости от дееспособности совершившего их лица*. Иными словами, результативное действие вправе совершать также и лица, не обладающие общегражданской дееспособностью, в силу чего для них возникают предусмотренные правом юридические последствия. Действительно, создание произведения искусства или обнаружение клада недееспособным лицом не препятствует возникновению у него соответственно исключительных прав или права собственности.

Помимо сказанного нельзя не отметить, что *объективированный результат совершения фактических действий, с возникновением которого право связывает наступление юридических последствий, может быть не только «положительным», но и «отрицательным»*. И в качестве подтверждения последнего утверждения хотелось бы проанализировать результаты действий, совершенных в состоянии необходимой обороны (ст. 1066 ГК РФ), и действий, совершенных в состоянии крайней необходимости (ст. 1067 ГК РФ).

Как известно, в отличие от причинения вреда, которое в рамках настоящей классификации рассматривается как недозволенное действие, совершение названных действий, также влекущее при-

¹ Некоторые сложности возникнут, вероятно, с классификацией создания изобретения, полезной модели и промышленного образца, поскольку исключительные права на эти объекты возникают только после признания их патентным ведомством и выдачи патента. Однако, думается, в этой ситуации можно говорить о юридическом составе, в который входят результативное действие (создание такого объекта интеллектуальной собственности) и акт государственного органа (выдача патента).

чинение вреда, является действием дозволенным¹. Право при определенных условиях позволяет совершение лицом фактических действий, которые могут создать негативные последствия для посягающего лица или иных лиц. Наступление этих негативных последствий (причинение вреда) и есть тот объективированный результат рассматриваемых действий, и право связывает юридические последствия именно с этим объективированным результатом (наличием вреда). В том случае, если причиненный вред (объективированный результат) отсутствует, юридических последствий не возникнет вовсе.

Таким образом, действия, совершенные в состоянии необходимой обороны или крайней необходимости, представляют собой один из интереснейших примеров результативных действий, объективированный результат которых носит «отрицательный» характер. Как и при совершении иных результативных действий, воля лица, причинившего вред в состоянии необходимой обороны или крайней необходимости, не направлена на создание юридических последствий, а только на фактическую защиту имущества и иных благ. Стало быть, действия, совершенные в состоянии необходимой обороны, равно как и действия, совершенные в состоянии крайней необходимости, есть разновидность результативных действий.

Выше уже отмечалось, что говорить о недействительности можно только применительно к тем дозволенным действиям, в которых проявилась воля субъекта на создание юридических последствий и в отношении которых в законе отсутствует прямой запрет. Учитывая, что при совершении результативных действий воля лиц не направлена на создание юридических последствий, **в отношении этой разновидности односторонних действий вопрос о действительности подниматься не может.**

Ограниченный объем настоящей работы не позволил подробно остановиться на каждой из групп юридических фактов (они освещены только обзорно), но в рамках этой работы, вероятно, в этом и не было надобности.

¹ Действия, совершенные в состоянии необходимой обороны, традиционно не признаются противоправными, в силу чего вред, причиненный ими, не подлежит возмещению. Не признаются противоправными и действия, совершенные в состоянии крайней необходимости, хотя по общему правилу вред, причиненный такими действиями, подлежит возмещению лицом, причинившим вред.

Вместе с тем все вышеизложенное позволяет говорить о настоятельной потребности в дальнейших исследованиях теории юридических фактов, которая никогда не была и не могла быть аксиомой. Современное развитие цивилистики требует обновления и реконструкции классификаций юридических фактов, что позволит органично ввести в них новые разновидности юридических фактов.